

«звонкий удар», «хлопка (для насекомых)», ласков. «лапка (рука)», «грязь, месиво из снега и грязи», «лужа», нн. «весло», «ошибка», «смущение» и являются обозначениями ряда приспособлений и инструментов в профессиональной лексике пожарных, строителей, кровельщиков и солеваров [Adelung 1798, S. 674; Campe 1809, p. 591; Duden 1989, S. 516; Duden 1996, S. 1129; Grimm 1889, S. 1507, Kluge 1975, S. 656]. Рассматриваемая основа участвует в образовании ряда сложных слов с эмоциональными оттенками значения: детск. *Patschhändchen* («ручонка»), *Patschwetter* («дождливая погода»), *(pitsche-/)patsch(e)naß* («(очень сильно) промокший» и др. [Adelung 1798, S. 674, 675; Duden 1989, S. 516; Duden 1996, S. 1129; Grimm 1889, S. 1507, 1509; Wedding 1964, S. 140]. Основа состоит в родственных отношениях с рядом слов немецкого языка, например, диал. *Patze(n)* («клякса», «грязь», «пятно»), *Patzer* («ошибка, оплошность», «человек, допустивший оплошность; халтурщик»), *verpatzen* («запачкать, замарать, испортить») и др. [Duden 1989, S. 516; Duden 1996, S. 1129, 1153; Grimm 1889, S. 1507, 1509; Kluge 1975, S. 618]. Родственные образования в датском и английском языках свидетельствуют об общегерманском происхождении рассматриваемой основы; существует ряд параллелей в индоевропейских языках – итальянском, французском, латинском, греческом и др. [Adelung 1798, S. 675].

Таким образом, рассматриваемая основа является деривационной базой для ряда междометий, редуцированных образований, субстантивированных междометий, аффиксальных производных различных частей речи и сложных слов. Междометия, восходящие к данной основе, фиксируются уже в средневерхненемецкий период. Образование производных приходится на XV в. и более позднее время. Производные развивают незвукоизобразительную абстрактную семантику, употребляясь, по большей части, в разговорной речи, диалектах (преимущественно в верхненемецких), лепетном языке. На значительный семантический потенциал основы указывает многозначность большинства производных, демонстрирующих развитие семантики от простейшего звукового ощущения к абстрактным понятиям (субстантивированные междометия *Patsch, Putsch*; глагол *patschen* и др.).

Литература

Пауль Г. Первотворчество // Г. Пауль. Принципы истории языка. – М., 1960. – С. 212–228. *Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. T.3 / J. Chr. Adelung. – Leipzig: J. G. H. Breitkopf und C^o, 1798. – 1862 Sp. Campe J. H. Wörterbuch der deutschen Sprache. B.3 / J. H. Campe. – Braunschweig, 1809. – 908 S. Duden: Das Herkunftswörterbuch / Bearb. von Prof. Dr. G. Drosdovski. – 2. Aufl., völlig neu bearb. und erweitert. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverl., 1989. – 839 S. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Bearb. von Prof. Dr. G. Drosdovski. – 3. Aufl., neu bearb. und erweitert. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverl., 1996. – 1816 S. Grimm J. Deutsches Wörterbuch. B.1 / J. Grimm, W. Grimm. – Leipzig: Verl. von S. Hirzel, 1854. – 1824 Sp. Grimm J. Deutsches Wörterbuch. B.5 / J. Grimm, W. Grimm. – Leipzig: Verl. von S. Hirzel, 1873. – 2916 Sp. Grimm J. Deutsches Wörterbuch. B.7 / J. Grimm, W. Grimm. – Leipzig: Verl. von S. Hirzel, 1889. – 2386 Sp. Havlik E. J. Lexikon der Onomatopöien: Die lautimitierenden Wörter in Comic / E. J. Havlik. - Frankfurt/M.: Fricke cop., 1991. – 264 S. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – Berlin/New York: de Gruyter, 1975. – 915 S. Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. B. 2 / M. Lexer. – Leipzig: Verl. von S. Hirsel, 1876 – 2050 Sp. Der Spiegel. – 2004. – №30. – 159 S. Preu O. Sprecherziehung für Studenten pädagogischer Berufe / O. Preu, U. Stötzer. – Berlin: Volk und Wissen, 1989. – 237 S. Stern. – 2002. – № 51. – 283 S. Strittmatter E. Ole Bienkopp / E. Strittmatter. - Berlin/Weimar: Aufbau-Verl., 1969. – 428 S. Wedding A. Ede und Unku / A. Wedding. – Berlin: Kinderbuchverl., 1964. – 176 S.*

УДК: 81'23

МИРОШНИКОВА З.А.

(Саратовский государственный социально-экономический университет)

КОНЦЕПТ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматриваются вопросы интерпретации природы концепта как центрального ментального понятия когнитивной лингвистики. Сложные связи между языком, мышлением и действительностью, роль языка в процессах познания и коммуникации придают принципиальную значимость изучению и выявлению содержательной стороны языка и требуют уточнения основных лингвокогнитивных понятий, получающих неоднозначную трактовку в научной литературе.

Ключевые слова: язык, мышление, концепт, логика, философия, значение, смысл, понятие.

Miroshnikova Z.A. CONCEPT AS COGNITIVE PHENOMENON. The article deals with the issues of interpretation of the nature of concept as a basic mental notion of the cognitive linguistics. Complicated links between the language, thinking and reality, the role of the language in the cognition and communication have a crucial meaning in studying and distinguishing lingvo-cognitive notions, which are differently treated in science

Key words: language, thinking, concept, logics, philosophy, meaning, sense, notion.

В последние десятилетия в лингвистике происходит смена научной парадигмы, меняются способы конструирования предмета лингвистического исследования и сам подход к выбору общих принципов и методов анализа языковых явлений. Содержание современной лингвистической парадигмы характеризуется установкой на объяснительность, что делает актуальной разработку общих и частных проблем теории познания.

Концепт является центральным ментальным понятием когнитивной лингвистики. Когнитивная наука интерпретирует язык как общий познавательный механизм, входящий на данном основании в более общие философские дисциплины: гносеологию, логику, онтологию; поэтому концепт – не только лингвистическое понятие, но и логико-философское. В философии и логике целостная совокупность всех свойств объекта есть концепт, который как термин часто употребляется в одном синонимическом ряду с терминами значение, смысл, понятие, что не противоречит познавательным задачам указанных дисциплин. Однако следует разобраться, допустимо ли это в исследованиях языка как инструмента мышления.

В связи с этим необходимо сказать, что до настоящего времени приемлемая общая теория концепта лингвистами не разработана, что, по мнению одних учёных, не позволяет сделать концепт «оперативной единицей анализа языка в разных его проявлениях»; другие исследователи рассматривают концепт как единое образование, которое может быть связано с понятием поля (Лакофф, Черемисина и др.), и как грамматическую категорию (номинация группы слов по их отношению к одной области – предметной или понятийной). Некоторые лингвисты (Джакендофф и др.) считают, что именно в грамматике отражены основные концепты, а грамматические категории создают базу их структурализации. Центральными концептами общей концептуальной системы признаются те, которые систематически соотносятся с основными грамматическими классами слов: концепты объекта, действия, процесса, места, пространства, времени и т.д. Действительно, это единственное умозрительное пространство, в котором внутреннее содержание концептов может быть соединимо с содержанием грамматических категорий.

Вместе с тем язык как инструмент мышления – это в основном результат номинативной деятельности сознания, завершающийся образованием лексических значений со смыслоразличительной, а не смыслоопределяющей функцией, тогда как концептуализация внеязыковой действительности – это уже результат осмысления, понимания, то есть постижение смысла языковых единиц по координатам связей и отношений обозначаемых ими вещей и явлений реального мира. Сложные отношения этих двух этапов речемыслительной деятельности и отражает идея перекодирования, что в функциональном плане соответствует отношениям средства и цели. Механизмы перекодирования значения воспроизводимых знаков (единиц языка) в когнитивный вневингвистический смысл, в расширительный смысловой ряд мыслительной концептуализации фрагментов действительности, а в иных случаях – и в универсальные обобщения константного статуса, – определяются заместительными, по С.А. Аскольдову, функциями концепта во всех случаях языковой коммуникации [Аскольдов 1997, с. 272].

Такое понимание развивается в работе акад. Д.С. Лихачёва, который пишет: «Заместительная функция концепта облегчает языковое общение... она позволяет при языковом общении преодолевать несущественные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов, их толковании, отвлекаться от «мелочей». Какое из словарных значений замещает собою концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. <...> Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [Лихачёв 1997, с. 283].

О логико-философской природе концепта свидетельствуют многие его признаки и

функціональні проявлення. Так, основний дифференціальний признак концепта як мислительной, «смыслоносительной» сущности – абстрактный, обобщённый характер его содержания, описание которого возможно лишь в логических терминах. Проявляясь (формализуясь) в любого рода символах (картинах, знаках, схемах...), мислительный концепт материализується в языковых знаках иногда даже без малейшей опоры на какое-либо словарное значение, чем также может быть обоснована его независимость от языка. Так, например, у союза и или но вряд ли можно постулировать значение, но концепты, которые за ними стоят, достаточно ясны и многозначны по смыслу (соединения, противопоставления и т. п.).

Концепт возникает в процессе построения в сознании смыслового ряда понятий об объектах и их свойствах, почерпнутых из опыта прошлого и свёрнутых в «сгустки» знания, причём эта информация всегда открыта процессу переосмысления на основе новых данных об объектах и явлениях в их активных связях и отношениях. В концептах обобщается разнообразие явлений, наблюдаемых в прошлом и настоящем в их развитии, в нечто единое и приводится к общему смысловому знаменателю. Концепты, как «конденсаторы», позволяют накапливать и хранить знания и оказываются не просто элементами, а «сборочными модулями» в концептуальной системе мышления о мире, способствуя соединению субъективного (индивидуального) опыта с общечеловеческим, то есть с выработанными в прошлом мислительными категориями.

Всю познавательную деятельность человека (когницию) можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире, и шире – как мировоззренческую функцию, о чём писал еще В. Гумбольдт. В содержание последней входит, кроме обеспечения ориентации, и формирование отношения к миру, что сопряжено в первом случае с необходимостью различать и отождествлять предметы (процесс номинации), а во втором – находить и формулировать «жизненные смыслы» в самом широком значении этого понятия (процесс осмысления, или концептуализации). «Строительным материалом» и для того и другого в сознании человека являются концепты как простейшие «блоки» мислительной деятельности.

Из сказанного следует, что концепты, имея по своей природе и способу образования сложную внутреннюю структуру (мислительный опыт прошлого в его связях и развитии – координаты жизненных смыслов; объём – широкий класс предметов и явлений, которые подходят под данное понятие; содержание – совокупность общих и существенных признаков тех предметов и явлений, которые образуют данный класс и т.д.), по определению не могут иметь сложной внешней структуры, то есть быть номинативно сложными образованиями. Человеческое познание потому и относительно всесильно, что в актах мышления в форме суждений и умозаключений устанавливает новое знание независимо от непосредственного наблюдения, а единственно на основании имеющихся уже знаний, выработанных в сознании. Концепты как свёрнутые формы знания, способные развернуться только в активном и подготовленном сознании, структурно всегда являются составной частью суждений. Отсюда следует: если суждение (или посылка) находит языковое выражение в предложении, а концепт – лишь составная часть суждений, то концепт не может быть вербализован в форме предложения.

Между тем в когнитивной лингвистике принято считать, что есть простейшие концепты, представленные одним словом, и есть более сложные – те, которые представлены в словосочетаниях и предложениях [Schiffer 1988, p. 65]. Существуют работы, в которых усматриваются простейшие концепты в семантических признаках или маркерах, обнаруженных в ходе компонентного анализа лексики [Кубрякова 1996, с. 90]. Получила распространение точка зрения, в соответствии с которой анализ лексических систем языков может привести к обнаружению небольшого числа концептов-«примитивов» типа нечто, некто, вещь, место и пр. (А. Вежбицкая), комбинацией которых можно описать далее весь словарный состав языка. Наконец, известную компромиссную точку зрения разделяют те учёные, которые полагают, что часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», то есть обладает способами её чисто языкового выражения, но существенная часть этой информации всё-таки представляется в психике (сознании) принципиально иным образом, а именно: ментальными репрезентациями другого типа – образами, картинками, схемами и т.п. «Мы, например, – говорится в одном

исследовании, – знаем различие между ёлкой и сосной не потому, что можем представить их как совокупности различных признаков или же как разные концептуальные объединения, но скорее потому, что легко их зрительно различаем и что концепты этих деревьев даны прежде всего образно» [Кубрякова 1996, с. 91].

Деление концептов на «простейшие», а тем более «примитивные», равно как и на «сложные» – на наш взгляд, логически несостоятельно, потому что концепты хотя и образуются на основе слова (знака), но не в его границах, а в структурах сознания, в разуме и степень их полноты (объём), состав содержания (существенные признаки) и смысловой насыщенности (координаты связей) зависят от степени соответствия, соотнесённости сознания сложным реалиям объективной действительности и объёму культурного опыта. Таким образом, если сознание человека не поднимается выше обыденного уровня, то и словесные обозначения самых «великих» концептов в «его мире» наполняются лишь обыденным, а то и примитивным содержанием. И второе: образы, картинки, схемы и т.п. могут различать, фиксировать признаки и некоторые свойства внешних проявлений (репрезентаций) предмета или явления объективного мира, что всегда является лишь подходом, первым приближением к смыслу, то есть к концепту, который образуется на второй, абстрактной, ступени познания – мышлением и его формами. Поэтому, с нашей точки зрения, некорректно говорить о «ментальных репрезентациях» образов, картинок, схем и т.п.; это не мыслительные, не концептуальные сущности, и зрительно различимые сосна и ель – не концепты.

Что же касается способов практического различения слов-концептов от слов-неконцептов в тексте, то есть в соответствующем лексическом окружении, то здесь возможен способ постановки вопросов: слова-концепты не дают ответа (не отвечают) на онтологические целеполагающие вопросы: зачем? для чего? – *зачем жизнь, любовь, для чего человек, ради чего мы (люди) случились на земле?* и т.д. И в такой диспозиции нет неразрешимой загадки (хотя само содержание ответов на поставленные вопросы – непостижимая тайна, находящаяся, видимо, за пределами современного сознания): слова-концепты потенциально заключают в себе такого рода обобщения жизненных смыслов, что их охват разумом возможен, вероятно, лишь с точки зрения *вечности*, что практически невозможно для каждого индивидуального бытия.

В результате анализа сложной лингво-когнитивной проблемы «лексическое значение и концепт» мы установили, что соотношение природы содержания в словарном значении слова и концепте не просто сложно, многоаспектно и противоречиво, что постулируется в лингвистической литературе, – оно, как и следует из его генезиса, *разноточностно*, хотя диалектически неотделимо одно от другого. В теории познания первое, обозначаемое словесным знаком, отражает сферу *живого созерцания*, структурой и когнитивными рамками которого и определяется его содержание (*образ, след или слепок* реальной вещи или явления на экране человеческого сознания), а второе, выявляемое только в контексте речемыслительной коммуникативной ситуации, выражает сферу *абстрактного мышления*, что, в свою очередь, определяет его содержание.

Таким образом, понятие *концепт* включает в себя те представления о смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание мыслительного опыта и в целом знания, то есть содержание результатов всей человеческой деятельности в области познания мира в виде константных (постоянных) сущностей.

Процесс концептуализации реального мира в сознании человека не может состояться иначе, как только через образование упорядоченной системы жизненных смыслов во взаимообусловленности её частей и принципов, положенных в основание. Поэтому проблема системы как таковой, системных отношений в языке и мышлении как способа выявления новых и дополнительных смыслов становится приоритетной в лингвистике.

Понимание системы когнитивной семантики подлежит рассмотрению потому, что в отдельных направлениях когнитивной лингвистики, защищающих идеи противопоставленности концептуального уровня семантическому (языковому), имеется много нестыковок и даже откровенных противоречий. Так, например, тезис о национально-специфическом восприятии мира и о неизбежно национально-субъективном характере процесса познания, протекающего в рамках и на базе национально своеобразного языка, ещё не получил

скільки-нибудь однозначного рішення.

Не підляжить, однак, сумніви, що рішення цього питання в значительній ступені залежить від характеру інтерпретації сутності семантичної сторони мови в соотнесённости з відображеною об'єктивною реальністю. По суті, це залежить від того, на першому або другому компоненті буде поставлено акцент визначаючого значення. В епістемологічному (когнітивному) плані семантична сторона компонентів мовних систем і мовних одиниць пов'язана з феноменом концепта як мислительної форми відображення внемовної дійсності. Своєобразием концепта є «незеркальність» відображення предмету або явленню в понятті: один предмет (або явленню) може знаходити об'єктивно верне відображення в ряду понять, в той же час поняття може служити об'єктивно верним відображенням цілого класу предметів, що і породжує виключительно складну і багатопланову картину соотнесённости світу речей і системи відображаючих їх понять.

Опосередована складність пізнавального відображення виключає можливість прямої проєкції концептів на сукупність предметів або явлень об'єктивного світу, тому, на нашому мненні, крайнє сумнівна виконаність задачі розчленення картини світу в нашому свіданні, то єсть представлення її в формі двох моделей – *концептуальної* моделі (картини) світу і *мовної* моделі (картини) світу, як це представлено в роботах деяких дослідників [Новикова, Черемисина 2000; Рябцева 2000; Вендіна 1999; Рахіліна 2000 і др.].

Однак правомірна ідея розщеплення ідеального вмісту мовних одиниць (слів, словосполучень, речень) на концептуальне і лінгвістичне, на понятійне і словесне, на поняття і значення не влечёт за собою створення в голові людини «двостворіння» – мовної картини світу і мислительної. Картина світу може скластися в свіданні людини тільки на платформі знання, яке проявляється перш за все: а) як результат живої созерцання, зафіксованого в розумі в формі узагальнених образів, сцен і подій на основі прип'оминання або продуктивного уявлення; б) як результат абстрагуючої діяльності мислення, зафіксований в концептах як звёрнутих ступенів значень; в) як результат проявлення досвіду минулого, накопленого і зафіксованого в значеннях слів, в їх внутрішній формі, і, як правило, перетвореного рефлексивною діяльністю свідання.

Таким чином, мова бере участь в створенні картини світу, *но тільки в формі знакової об'єктивізації значень слів*. Крім того, не можна сумніватися в тому, що «картина світу» – це те, що достовірно лежить поза мови. Відповідно, звернення саме до значення будь-якого висловлювання як визначеному відношенню до об'єктивному фактору, служачому предметом (денотатом) висловлювання, завжди достатньо для встановлення і «мовного» значення, а теоретична або практична верифікація цього значення є вже наступний етап, на якому будь-яка логічна верифікація в кінцевому підсумку може бути сведена до досвідної перевірки. Тому, на нашому переконанні, немає ніякої необхідності висувати між предметом і його значенням ще і неіснуючу лінгвістичну модель світу. «Ведь де мова, там і спілкування (поза спілкування мова не існує), а де спілкування, там і значення (так як спілкування є обмін думками, а не набором упорядкованих лінгвістичних значень), спілкуючий мовою творчий характер» [Звегинцев 1973, с. 179].

З нашої точки зору, майже ті ж методологічні незгоди має і ідея «мовної картини світу», хоча вона активно розробляється в останні часи. Ібо не можна не бачити, що теоретичні постулати конструкта «мовна картина світу» – з того ж джерела, що і теорія лінгвістичної відносності. Існує активно розвиваючеся явленню концептуалізації внемовної дійсності на основі універсальних для всіх народів законів мислення (*концептуальна система свідання*, а не мови). Крім уже сказаного, ідея мовної картини світу також неіснуюча тому, що не можна називати «картиною світу» те, що активно нівелюється самою тенденцією розвитку мови – процесом її концептуалізації з загальнолюдським, універсальним вмістом думки, а во-вторых, тому, що поняття «картина світу» концептуально осмислено як філософсько-світоглядна категорія, яка по природі своїй не може органічно включити в себе частний ознак (особливість сприйняття), хоча і опосередований мовою.

Тому прав Г.В. Колшанський, коли пише: «В семантичному плані різні

национальные языке представляют собой различные варианты частичного заполнения потенциально единой, внациональной номенклатуры «общекультурных понятий». Представляя собой самонастраивающуюся... систему двусторонних единиц – знаков, предназначенных для формирования и передачи мысли в комплексном использовании, языковая система заведомо не может трактоваться как «языковая картина мира». «Картина» мира создаётся познанием, а не языком» [Колшанский 1975, с. 177].

Литература

Аскольдов А.С. Концепт и слово // Русская словесность. Антология. Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. Лухачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. Schiffer S., Steel S. (Eds.) Cognition and representation. – Boulder (Colorado), 1988. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь лингвистических терминов – М., 1996. Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. 2000. № 1. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. 1999. № 2. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 2000. № 3. – Т. 59. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – Изд. МГУ, 1973. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975.

УДК 811.133.1'271'42:58

МОРОШКИНА Г.Ф., НОВИКОВА Т.

(Запорізький національний університет)

**ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ
ФРАНКОМОВНОГО РОСЛИННОГО ДИСКУРСУ**

Статтю присвячено дослідженню лінгвокультурологічного аспекту франкомовного рослинного дискурсу. Об'єктом аналізу виступають семантичні та семасіологічні характеристики лексичних одиниць на позначення рослин у сучасній французькій мові.

Ключові слова: лінгвокультурологія, лексична одиниця на позначення рослин, метафора.

Морошкина Г.Ф., Новикова Т. Лингвокультурологический аспект франкоязычного растительного дискурса.

Статья посвящена исследованию лингвокультурологического аспекта франкоязычного растительного дискурса. Объектом анализа выступают семантические и семасиологические характеристики лексических единиц для обозначения растений в современном французском языке.

Ключевые слова: лингвокультурология, лексическая единица для обозначения растений, метафора.

Moroshkina G., Novikova T. The article is devoted to the linguocultural study of francophone phito-discourse. The subject

matter of research comprise the semantic and stylistic parameters of French phito-vocabulary.

Key words: linguocultural studies, phito-vocabulary, metaphor.

Метою даної розвідки є здійснення лінгвокультурологічного аналізу рослинного дискурсу на матеріалі сучасної французької мови.

Лінгвокультурологія виникла наприкінці ХХ століття на стику наук про культуру і мову та їх взаємозв'язок. За допомогою лінгвокультурологічного аналізу стає можливим розкрити культурний фон, що стоїть за одиницею мови. Оскільки мова – невідкладна, основна складова поняття культури, тому у своєму дослідженні вважаємо необхідним звернутися до науки, яка вивчає прояви, відображення та фіксацію культури в мові та дискурсі.

Об'єктом дослідження виступають лексичні одиниці на позначення рослин у публіцистичному дискурсі під назвою «*Sous les arbres à Paris*», а також словникові та енциклопедичні статті як відображення номінації назв рослин, їх походження та вживання.

Предметом вивчення є лінгвокультурологічний аспект лексичних одиниць на позначення рослин у сучасній французькій мові.

Культура, мова та ментальність тісно пов'язані між собою. Культура втілюється і отримує знакове вираження у мові, що бере безпосередню участь у її збереженні, відтворенні, формуванні її концептів, стереотипів та цінностей. Саме мова найчастіше виступає в якості основного критерію у типологізації культур. Мова не існує окремо від культури, тому лінгвіст